

ТБИЛИСЦЫ ! ЛЮДИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, РАЗНЫХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ, РАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ -- РОДИВШИЕСЯ, ВЫРОСШИЕ, ЖИВШИЕ И ПРОЖИВАЮЩИЕ В ТБИЛИСИ -- ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Иосиф Гришашвили ЛИТЕРАТУРНАЯ БОГЕМА СТАРОГО ТБИЛИСИ

Азира писал стихи, сам сочинял к ним музыку и исполнял их. На старости лет он, правда, потерял звучный свой голос, но «что высокий глас певца, коль слова бессмысленны у песни?» Так он сам говорил.

Азира — Абрам Абрамишвили — родился в 1845 году в деревне Шулаверы Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Умер 14 января 1922 года в Тбилиси. Подобно тому, как Давид Гурамишвили в XVIII веке и Акакий Церетели в XIX веке привнесли и утвердили в классической литературе народный язык, творчество Азира утвердило формы и образы городской народной поэзии.

Азира был усташем амкари ашугов (существовал в Тбилиси и такой цех) и в этой самой должности принес много добра людям, и прежде всего слепцам. Он обучал их пению и игре на дайре и кяманче, спасал от голода и нищеты. Тбилисцы любили слепых ашугов, любили их чианури и утренние серенады — саари. И пели они, право, один другого лучше. Помню слепого Ягора — звезду моих литературных вечеров. Между прочим, слепой Ягор не раз водил домой с кутежа своих пьяных товарищей.

Ягор любил Азира. Ягор его боготворил. «Слаще бубна Азира ничего на свете нет», — говорил слепец. Дайра (бубен) была любимым музыкальным инструментом Азира. Играя, он вкладывал в ритмы дайры всю свою душу. К рукописному же наследству своему относился без всякой заботы: терял стихи, а порой, вертя в руках клочок бумаги, не мог разобрать, что же там написано. «Я должен сопровождать каждую свою рукопись», — сказал он мне как-то.

Надо заметить, что Азира не был любителем эротических мотивов, вообще характерных для его собратьев.

*Будь, о душа, как вино светла.
Лучшие помыслы сохрани.
Не умножай в этой жизни зла,
Помыслы темные — прогони.
Стройные долгие голоса
Строго переплети,
Выгони прочь Шайдмана-пса,
Моурави великого чти.
Только доброе вносят в дом,
Жизни не пожалей...
Что мне дворец в раю чужом —
Есть могила в родной земле!*
Великого Моурави в народной поэзии первым оживил Азира. В этом его стихотворении выражены гражданские стремления и любовь к Тбилиси. Гражданские мотивы более выразительно звучат в другом его стихотворении:

*Сын мой, прекрасный, как кипарис,
Не омрачи мои дни —
Грузии, к морю бегущей вниз,
Землю оборони.
Сын мой, за родину смерть сладка!
Мальчик прекрасный мой,
Помни наказ отца-старика,
Но лучше вернись домой.
А если ты упадешь в бою
На камень или траву,—
Буду я славить доблесть твою,*

*Буду — пока
живу.
Воин грузин
говорит:*

*Мой легкий прах земле моей верните,
И где Святая высится гора —
Меня над городом похороните,
И пусть героя славят Азира.*

Поэт боготворил Акакия Церетели.

Именно он впервые распространил знаменитое «Сулико» по местечкам и селениям Грузии. В автобиографии Азира пишет: «Акакий и Саят-Нова одинаково любили народ, оба были слугами и рабами народа. Когда появился Акакий Церетели, ашугов уже забывали и старое уступало место новому. Огромный талант поэта кипел и переливался, неиссякаемый, как выбивающийся из недр источник; но именно Акакий услышал добрые старые голоса и перенял их звучание! Да, он скроил, сшил и выложил на прилавок множество драгоценных вещей — к сожалению, разносчика нигде не было видно...»

Но разносчики были — это были ашуги. «Какой из писателей, — говорит увлеченный Азира, —

какой из проповедников мог внушить народу то, что мы внушали нашей сладкозвучной игрой и пением?» Жизнь тогдашнего искусства была органичнее, но беднее теперешней.

Одним из ее очагов был грузинский театр, и в театре этом во время антрактов играл ансамбль Азира. Слушали его благодарно, песни запоминались.

*Если в путь тебя увлек
Жребий твой — строптивый конь —
Дедовского очага Вспомни ласковый огонь.
Если жаждою палим,
Ты к чужой реке приник —
Благодарно помяни —
И своей земли родник.
Конь летит во весь опор —
Только пыль из-под копыт.
Помни, как в родном дому
Пахнет дым и дверь скрипит.
Как младенцем в первый раз
Перелез через порог,
Не забудь, — а то и жизнь
Не пойдет бродяге впрок.*

О приглашении ашугов в театр Азира рассказывает: «незавидно положение и нынешнего театра, — а каким оно могло быть тогда (имеется в виду 1880 г.). И все же не похвастаню, если скажу, что простонародье в театр ходило из-за наших песен. В театре я привлекал таких людей, которые и не знали, что сие значит. У меня было семьде-

АЗИРА

сят пять учеников — грузин, армян, татар, греков — изо всех уголков Грузии. Приезжали гурийцы, тушины, кисты, курды — за песней, за прекрасным грузинским языком. И вооружал я их стихами, и расходились они по всей Грузии и по всему Кавказу.

Кто перечислит, сколько людей, благодаря песням Азира, пристрастились к чтению! А как любовно он относился к просвещению! «Ах, увидеть бы мне аробщика, читающего на арбе «Иверию».

Сладостные и певучие стихи Азира опьяняли, но могли звучать и резко, и горько. Во всем чувствовался характер.

*Последний грош я свой отдал
Слепому, выходя из храма.
«Жадюга», — вдруг он мне сказал
И глянул злобно так и прямо...
Увы, Азир, таков весь свет,
О том печальюсь я и плачу.
А зрячий тот слепец впридачу
Еще и плюнул мне вслед.*

*Пора привыкнуть, Азира,
Что делать, — уж судьба такая.
Все бормочу: «пора, пора»,
А ни к чему не привыкаю!
Как дружеский тяжел поклеп!
Твои слова переиначу,
И причитая и судачу,
Тебя кладут живого в гроб,
Готовят катафалк и клячу...
Не хороните! Не пора!
Я не такой — я Азира!..
Но не кричу я — плачу, плачу...
Все перепутала молва.
Ей все равно: героем, трусом,
Иудой или Иисусом
Тебя чествить: она права —*

*Она молва... Но что со мной?
У ваших окон я маячу,
Как бессловесный зверь лесной...
Я Азира — я плачу, плачу —
Но вы не плачьтесь надо мной!*
Азира в своем творчестве часто прибегал к эзопову языку и «болтовней» старался указать народу на его недостатки, пороки. Вот одно из его аллегорических стихотворений.

*Среди зимы и лета,
Как лошадь и верблюд,
Ты трудишься. За это
Тебя по морде бьют.
Кто громкий рев услышит,
Подумает: герой!
Но ты стоишь под крышей,
Голодный и худой.
Оплакивать напрасно
Твое жистье-бытье.
Душа твоя прекрасна,
Да кто видал ее?
Невидимые души
Истошные кричат,
И видимые уши
Потешные торчат.
Пусть мир переменится,*

*Но ты всегда — осел.
Чего же ты добился
И что ты приобрел?
Среди зимы и лета,
Как лошадь и верблюд,
Ты трудишься. За это
Тебя по морде бьют.*

Ноты сочувствия и горького сарказма звучат здесь. Азира в лучших вещах своих приближается к «чеканной твердости» Ильи и «мягкости» Акакия. Его поэтическая метафора сильна и оригинальна. И очень сильна интонация: музыкальная природа стихов и высокий предмет речи сливаются. Стихи приобретают рыцарственную осанку карачохели. — Но что об этом толковать? Пусть они звучат сами.

*Какие дни, какие числа!
Мы дети времени сего —
Оно в нечистом квевери скисло,
И ломит скулы от него.
Блажен живой — кто вживе умер,
Кто стал умен и полоумен,
Кто ловек, как веретено,
Кто хвалит уксус — не вино.
Кто крепкую имеет спину...
О, время, вот мои стихи —
И я — твой сын. И мне как сыну —
Расплачиваться за грехи...*

Азира был популярен. Его стихи звучали за пиршественным столом, на похоронах и поминках.

Нужно отметить, что усташ-певец не превратил своего искусства в источник дохода. Он, правда, пел на всяких пиршествах, и это приносило ему некоторые средства для жизни, но Азира всегда держался с достоинством: «Почтительно, гордо всюду держаться буду». Бывали случаи, когда в пьяной компании Азира говорил: «я здесь лишний», брал дайру и уходил:

*Что с тобой: у тебя два лица —
Почему не четыре ноги?
Не хочу ни вина твоего, ни тельца:
Я — Азир, мы с тобою враги.
Никогда не пройду по мосту твоему,
Разольется пускай река.
Я Азир — век я не пил в твоём дому —
И не буду — века...*

Почти все афоризмы Азира стали принадлежностью народной мудрости. Эта мудрость в его стихах ритмична, как звуки дайры. Во время, когда разного рода певцы восхваляли «вино, женщин и дудуки», Азира, этот новый Саят-Нова старого Тбилиси, поет:

*Если б были мы едины —
Были бы непобедимы.*

Азира пишет и такие стихи, как «Март месяц». Это известное стихотворение изображает царскую Россию, которая преследовала свободолобивый народ. За это стихотворение наш автор попал в тюрьму.

Согласитесь, что и в этом есть признание поэтического дара. Свободные слова били в цель, помогали человеку осознать однообразие уродливой жизни. А эта жизнь, подобно безлунной ночи, кошмаром давила фантазию мыслящего человека. Слова Азира о единстве перекликаются со

стихами Акакия Церетели:

*Ай да мы: не зная страха
И врагов своих любя,
Так и лупим — для размаха —
По лбу — обухом себя!*

В это время уже не нужны были сладостные напевы. Бывают в жизни народа минуты, когда лучшей музыкой становится барабанный бой. И стихи Азира последнего времени будили народ:

*В черное вы одеты —
Вам обещаю я
Праздник красного цвета.
Помните, сыновья,
Верны мои приметы.*

Как встретил Азира 1905 год? О том говорит написанное им в этом же году аллегорическое «Мухамбази о куме».

*Кум и сват, владыка, обер-
Прокурор немало попил
Нашей крови — только помер,
Догадался, наконец!
Он бывал весьма полезным
В отношении железном —*

Стал он духом бестелесным.

*Помер, помер наш отец!
Кто кричит и воду мутит?
Нет режима. Что же будет?
Кто прикажет? Кто осудит?
Кто повесит, наконец?*

*Горе, горе, человеку!
Кум лежит — сомкнуты веки.
Дух и прах и все доспехи —
В землю, в землю! На келехи
Призывает вас певец!*

Таково было лицо Азира-ашуга! Таков его революционный демократизм.

Азира верил, что его стихи разойдутся по родной стране, а себе строго предписал:

*Остерегайся пышности распутой
И резвости пера,
И правды легкой и минутной
Не жалуй, Азира.*

*Ты мастер: никога
Не слушай, кроме бога,
И слово в ясности его
Воздвигни строго.*

Азира первым из тбилисских поэтов воспел

«угнетенного» и «трудящегося». Его герой не был человеком, который ходил — причитал, трудился, жил и покорно умирал... Нет, он был гражданином сильной воли и пронзительного ума, хорошо сознающим свое положение и отплачивающим: «добру — добром и злу — злом».

24 мая 1920 года в рабочем клубе праздновали юбилей 50-летней деятельности Азира.

Я был лично знаком с ним. Это была чистая, крайне скромная, обаятельная, жизнерадостная, общительная личность. Но как ужасна старость! Когда я увидел Азира в последний раз, он был похож на собственные мощи. Но еще теплился его дар.

Кто я?

Прошлого тень иль грядущего призрак?

Умер Азира. Он посвятил свою жизнь дайре и чианури, и дайра и чианури провожали его в последний путь. Его ученики на могиле покойного устроили пир — именно пир, а не плачевную тризну! И как жених-карачохели идет на могилу отца и под музыку зурны испрашивает благословения, так и ученики Азира на его могиле играли любимые мотивы учителя, чтобы тень мастера благо-

словила их. Затем, согласно старому обычаю, они сложили на могиле музыкальные инструменты, поклялись хранить строгие заветы учителя и с зажженными факелами в руках вернулись в дом Азира.

В его комнате они поочередно ночевали сорок дней и ночей, чтобы очаг покойного не остыл и его дух жил в их песнях.

В кофейне, где они собираются, висит дайра Азира, которую никто не имеет права тронуть: когда Азира умирал, он потребовал дайру, заиграл на ней. Существует легенда, — и в эту легенду верят, — что дайра покойного по ночам тихонько играет его мелодии.

О да, этот человек с его тбилиским темпераментом, несомненно, фантастическая фигура. Много воды протечет под Авлабарским мостом, а Тбилиси не родит такого ашуга.

Умер Азира, и закрылись те врата, откуда, словно караваны, выходили ашуги.

Умер Азира, и замутился тот чистый родник, под струями которого расчесывала локоны литературная богема старого Тбилиси...

Ипполит Хвичия

Шутить в Тбилиси умели и умеют. А есть розыгрыши, просто ставшие частью городского фольклора. В канун Дня смеха представляется куда как уместным вспомнить о некоторых из них, ограничившись, впрочем, историями, которые произошли в артистической среде, хотя бы потому, что их участники известны и всенародно любимы.

Принято считать, что в обыденной жизни актеры-комики — довольно мрачные люди. О скверном характере Луи де Фюнеса, например, ходили легенды. Редко кому из близких Фернанделя доводилось видеть в быту его знаменитую широкую улыбку. А выдающийся грузинский комический актер Сандро Жоржолиани, говорят, в жизни производил впечатление человека, вовсе лишенного чувства юмора. Он, мало того, что никогда не шутил, не смеялся над анекдотами, не любил смотреть кинокомедий и читать юмористическую литературу, но частенько сам становился жертвой веселых розыгрышей. Актер отличался удивительной аккуратностью. Ложась спать, он развешивал по местам вещи, а тапочки ставил у кровати так, чтобы, вставая, опускать ноги прямо в них. Однажды, будучи где-то на гастролях, он проснулся утром в гостинице, попал ногами в тапочки, поднялся и ... застыл, не в силах сделать ни шагу. Оказывается, коллеги, пока актер спал, приклеили тапочки к полу именно на том месте, где их оставил хозяин. Еще говорят, что, даже будучи уже весьма немолодым человеком, актер продолжал обращать пристальное внимание на красивых женщин. Как-то на гастролях ему очень понравилась молодая дама. Он настойчиво просил ее о свидании, та отказывалась. Но актер надежды не терял. Однажды товарищи Жоржолиани по театру уговорили женщину назначить тому встречу в укромном, темном закутке. Каково же было разочарование пожилого ловеласа, когда обнару-

АРТИСТЫ ШУТЯТ!

жилось, что, вместо прекрасной дамы, к нему на свидание, переодевшись в женское платье, пришел младший товарищ по театру Георгий Шавгулидзе.

А вот другой гроссмейстер смеха — Ипполит Хвичия, по воспоминаниям всех, кто его знал, в жизни был очень похож на своих киногероев. При этом он и сам любил и умел пошутить, и в других ценил чувство юмора. Однажды во дворе дома, где он жил, под самым его балконом, велись какие-то работы. Актер вышел на балкон, качая на руках ребенка. Потом ему это надоело. «Да что ты, в самом деле, покоя мне не даешь!?!», — кричал Ипполит Хвичия на завернутое в одеяло дитя и кинул его с четвертого этажа. Рабочие бросились спасать ребенка и обнаружили в одеяле пятилитровый бурдюк с отменным вином, которым любимый актер решил их угостить. Рассказывают, что Ипполит Хвичия невольно спас для зрителей любимую многими грузинскую комедию «Простите, вас ожидает смерть». Перед выходом картины на экран устроили ее просмотр для членов бюро ЦК компартии Грузии, на котором присутствовал Первый секретарь Василий Мжаванадзе. «Как называется фильм?», — спросил он перед показом. «Простите, вас ожидает смерть», — ответили ему. Настроение у партийного босса испортилось, что не предвещало картине ничего хорошего. Василий Павлович смотрел фильм, нахмурившись, до тех пор, пока на экране не появился Ипполит Хвичия. Увидев любимого артиста и услышав его первые реплики, партийный руководитель расхохотался, напряжение было снято, и фильм, таким образом, дошел до широкой публики. В то же время, артист, обладав-

Эроси Манджгаладзе

ший редкой способностью вызывать у людей смех, искренне считал, что его комический дар помешал ему состояться профессионально. Ипполит Хвичия с молодых лет мечтал о ролях трагического репертуара. Ему хотелось сыграть Ромео, Гамлета или короля Лира. Но он прекрасно понимал, что при его внешних данных и характере актерского дарования получить такие роли ему вряд ли удастся, и искренне переживал по этому поводу. «Кто же мне даст серьезные роли, когда я даже на панихиды ходить не могу. Захожу, и все начинают смеяться, в том числе и покойник», — сетовал артист.

Если бы мне предложили составить рейтинг актрис, работу которых на сцене или экране мне когда-либо приходилось видеть, я бы, не задумываясь, назвал первой великую Сесилию Такашвили. Неподдалеку от нее жил известный грузинский дирижер Дидим Мирцхулава, который в теплое время года имел обыкновение ходить гулять на Черепашье озеро. Возвращаясь, он проходил мимо дома Сесилии Такашвили и, если у той бывали открыты окна, обязательно бросал туда собранные по дороге полевые цветы. Однажды госпожа Сесилия позвонила супруге дирижера и потребовала вразумить мужа не делать так больше. «Мне надоело выметать из квартиры этот мусор», — сказала она. Дирижер перестал забрасывать актрису цветами. А через некоторое время она вновь позвонила супруге Дидима Мирцхулава и попросила ее уговорить мужа снова начать кидать ей в окно цветы. «Я специально буду держать окна открытыми, — пообещала она. — А то, оставшись без этих цветов, я поняла, что постарела». На вопрос, как она поживает, Сесилия Такашвили обычно отвечала: «Как я могу жить, если давление у меня вдвое выше, чем пенсия?».

В 70-е годы прошлого столетия в Советском Союзе и далеко за его пределами заговорили о спектаклях Тбилисского театра имени Руставели, которые ставил молодой тогда режиссер Роберт Стура. Посетить Тбилиси и не побывать на этих спектаклях, попасть на которые бывало совсем не просто, считалось большой неудачей. Однажды к нам в город приехал с программой цирк лилипутов. Директор Тбилисского цирка Борис Ципурия пообещал устроить его участникам культпоход в руставелевский театр. И вот однажды он привел на спектакль «Ханума» сразу 13, мягко говоря, невысоких девушек. В кассе оставалось только четыре билета в первом ряду. Они были приобретены, и все 13 артисток свободно разместились на четырех местах. Конечно, их присутствие в зале не осталось незамеченным не только зрителями, но и участниками спектакля. А один из главных героев, роль которого исполнял замечательный Эроси Манджгаладзе, рассказывая по сюжету о цыплятах, с которыми он любил играть в детстве, заявил, указывая рукой на четы-

Сесилия Такашвили

ре места в первом ряду, что цыплята были «вот такими же маленькими, как эти наши гости». Зап покотился с хохоту.

Актеры, помимо театра, часто заняты в кино, на радио, телевидении. А Котэ Махарадзе и Эроси Манджгаладзе, как известно, были и известными футбольными комментаторами. Однажды они оба участвовали в дневном спектакле «Испанский священник», который продолжался довольно долго — с 12.00 до 15.45. В тот же день в 15.00 начинался футбольный матч, где артистам тоже предстояло работать. Они договорились «свернуть» театральное представление, закончили его в половине третьего и к трем часам успели на футбол. Но на следующий день узнали, что их коллегу, актера Валериана Элошвили, также занятого в «Испанском священнике», сняли с работы за опоздание на спектакль. Разумеется, Элошвили не опаздывал. Он участвовал только в финальной сцене, пришел в театр ровно в три часа, и успел бы вовремя выйти на сцену, если бы спектакль не был сокращен. Пришлось Котэ Махарадзе и Эроси Манджгаладзе во всем признаться директору театра Павлу Канделаки, и настоять на том, чтобы Элошвили восстановили на работе.

Прекрасный актер Додо Абашидзе физически был очень сильным. К тому же, он не выносил несправедливости и, сталкиваясь с ней, часто пускал в ход кулаки. Однажды у него спросили, удалось ли когда-нибудь кому-нибудь одержать над ним победу в драке. «Да, — ответил актер, — однажды меня здорово отлупил один человек». — Наверное, это был гигант? «Нет, это был невысокий худощавый мужчина». — Как же ему удалось вас одолеть? «В тот раз я был не прав», — обьяснял актер.

Георгий ОТАРАШВИЛИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТИФЛИС

С Аидой Бабаджановой

Символ торговли.

Торговля — один из древнейших видов деятельности человека, однако, КУПЕЧЕСТВО, как профессия упоминается лишь с 9 века. Торговцы разным товаром постоянно путешествовали, перевозя свои товары из одной страны в другую, по дороге закупали товары и, как правило, не вели оседлый образ жизни. Со временем, когда начали формироваться крупные торговые центры, купцы начали оседать в них, формируя особый социальный слой.

По кодексу 1807 г. купцами (commerçants) признавались лица, которые „совершают торговые действия и для которых эти действия составляют постоянное занятие“. В Германии под юридическое понятие КУПЕЦ подводились не только физические или юридические лица, занимающиеся совершением торговых сделок, но и всякого рода акционерные компании, товарищества и хозяйственные кооперации.

Юридическое положение „Купец“, могла иметь и женщина, однако, замужняя женщина могла заниматься торговлей лишь с согласия своего мужа, но раз получив такое согласие, она становилась самостоятельным лицом, с правом совершать любые сделки уже без дополнительного разрешения. К купцам причислялись и те ремесленники, которые изготавливали изделия для продажи, закупая материал на свой счет (сапожники, булочники и т.п.), тогда как ремесленники, перерабатывающие чужой материал (красильщики, лакировщики и т.п.), под понятие „Купцы“, не подводились. Офицерам, должностным и духовным лицам, торговый промысел запрещался.

Купцами могли быть только люди, принадлежавшие к купеческим Гильдиям в торговых палатах.

Права купеческого состояния приобретались взятием гильдейского или купеческого свидетельства, по уплате всех повинностей по прежнему званию. До 1879 г. каждая Гильдия избирала особого старосту.

Гильдия — заимствовано от старо-нем. — gilda, gelda, gildomia — плата; (совр. нем. Geld — деньги, позднее — «биржа»).

В российских источниках слово «гильдия» появляется с 1719 года. За купечеством закреплялись предпочтительные права на занятие торгово-промысловой деятельностью.

До гильдейской реформы 1775 года деление на гильдии производилось по имущественному принципу. Купцы были обложены единым 40-алтынным подушным окладом, и не были обязаны к уплате гильдейской подати, величина которой зависела от принадлежности к той или иной гильдии.

После проведения гильдейской реформы 1724 года, купечество было разделено на три гильдии, согласно размеру капитала. При этом, минимум капитала, необходимого для записи в 3-ю гильдию, был установлен

КУПЕЧЕСТВО ТИФЛИСА

на уровне 500 рублей, 2-ю — 1 тысяча рублей, 1-ю — 10 тысяч рублей.

Купечество получило сословные привилегии — освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний (последняя привилегия распространялась на купцов 1-ой и 2-ой гильдий).

Особые преимущества были предоставлены купцам 1-й гильдии: они имели право приезжать к Императорскому двору (но только лица мужского пола), носить шпагу или саблю и губернский мундир. Купцы-христиане, состоящие в 1-й гильдии более 12 лет и не впавшие в течение этого времени в банкротство, имели право просить об определении своих детей на государственную службу.

И только Жалованная грамота городам 1785 года предоставила купечеству монополию на торговую деятельность. Купцы 1-ой гильдии могли вести заграничную торговлю, владеть морскими судами. Купцы 2-ой гильдии могли владеть речными судами. Купцы 1-ой и 2-ой гильдии могли владеть фабриками и заводами, купцы 3-ей гильдии могли вести мелочную торговлю, содержать трактиры и постоялые дворы, заниматься ремеслом.

С середины XIX века для учета лиц, принадлежащих к купеческому сословию, в городских общественных управлениях и Думах велись гильдейские списки; именные реестры купцам 1-й и 2-й гильдий местным и иногородним, списки лиц, получивших купеческие свидетельства, свидетельства на мелочные торги, промысловые свидетельства и пр.

Принадлежность к купеческому сословию совмещалась с принадлежностью к почетному гражданству.

С развитием капитализма, роль гильдий упала. В 1863 г. 3-я гильдия была отменена. А с 1898 года Гильдейские свидетельства приобретались добровольно лишь лицами, стремившимися к получению сословных купеческих прав.

Бурный рост торговли, на рубеже 19 — 20 вв., способствовал концентрации ее в руках монополистов. Огромными темпами развивалась магазинная форма торговли и увеличивалась роль банков. В 1905 г. было создано Министерство торговли и промышленности.

Но вернемся немного назад, в Тифлис начала 19 века...

В разоренном Ага-Магомет-ханом Тифлисе, первыми начали восстанавливаться ремесленные мастерские и торговля. Это были мелкие кустарные заведения и небольшие лавки, где можно было купить только самое необходимое. Практически все товары производились на месте и тут же продавались, а продукты питания завозились из пригородов. Но жизнь, понемногу, налаживалась и деятельность городских торговцев и мастеров заметно оживлялась. В рапорте князя Цицианова, датированном 3 января 1803 года, в описи Тифлиса указывалось 63 лавки с мелочным товаром, 310 мастерских, 76 лавок со съестными припасами и 40 винных.

С ростом населения и развитием города, его потребности становились выше, различных товаров надо было всё больше, но и проблем, ожидавших решения, было ещё много. В ответ на письмо генерала Ермолова Императору, о положении дел в торговле на Кавказе, 8-го октября 1821 года

в Тифлис поступил Высочайший указ:

„Усмотрев из представленных от вас сведений, что состояние промышленности и торговли Грузии, по недостатку капиталов и торговых заведений, не имеет ещё надлежащего пространства и движения и находя, что части сии, к благосостоянию края толико нужные, не могут с успехом быть устроены на общих правилах, а требуют особенных поощрений, настоящему состоянию сего края свойственных в пользу их распоряжения:

1. ПРАВА ГИЛЬДЕЙСКИХ. Всем торгующим Российским подданным и иностранным, кои в течение 10 лет, считая с 1 июля 1822 года, учредят в сем крае торговые дома и будут производить оптовую торговлю, присвоятся права 1-й гильдии, без всякого платежа в течении означенного времени податей по сей гильдии положенных, но по

Купец. Миниатюра 12 века.

истечении сего срока, как те, кои пожелают продолжить торговлю, так и те, кои вновь в оную вступят, обязаны будут производить оную на общем положении, неся все повинности, с гильдейскими правами сопряженные. Само собою разумеется, что те, кои прежде истечения означенного срока прекратят торговые свои дела, лишатся тем самым и гильдейского права, им по сей торговле принадлежащего.

2. ЛЬГОТА ОТ ЛИЧНЫХ ПОДАТЕЙ И СЛУЖБЫ. В ТЕЧЕНИЕ ТОГО ЖЕ СРОКА ТОРГУЮЩИЕ, как Российские, так и иностранные, освобождаются в тех местах от личной службы и личных податей, а дома их и магазины от военного постоя и налогов, исключая однако же местных городских расходов, в коих они, как владельцы домов, обязаны участвовать.

3. ПРИОБРЕТЕНИЕ НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Всем торгующим как Российским подданным, так и иностранным дозволяется в том крае приобретать недвижимую собственность и продавать её с платежом узаконенных пошлин, хотя-бы торгующие иностранцы и не вступили в подданство. Но с прекращением торговли и с оставлением сего края они обязаны внести подати, в городском положении на сей случай определенныя.

4. ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ. Торгующим Российско-подданным и иностранным будут уступлены от правительства участки земель, для заведений их в том

краю нужных, за обыкновенную цену, по коей земли там продаются. Цена сия, так как и условия ссей продажи имеют быть определены с точностью по сведениям, кои от вас представлены будут.

5. ЛЬГОТЫ В ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИНАХ. Все товары, привезенные в Грузию из иностранных земель, не будут подлежать другому платежу, как по 5-ти со 100 по цене объявленной, сообразно тому, как по силе Гюлистанскаго трактата взимается пошлина с товаров из Грузии в Россию платят они установленную пошлину по тарифам Азиатскому и Европейскому, сообразно происхождению товаров. Для сего по сношению вашему с министром финансов учреждены будут в приличных местах заставы и таможни, с одной стороны на путях, ведущих в Грузию из иностранных земель, а с другой на путях из Грузии в Россию.

6. ПРАВИЛА КАРАНТИННОГО ОЧИЩЕНИЯ. Распоряжения в указе 1819 года означенныя, по коим товары, из портов Средиземного моря приходящие в тюках и ящиках с двойною оболочкою и запломбированные Российскими консулами, допускаются в Одессу и другие российские Черноморские порты, не подвергаясь карантинному очищению, распространяются и на порты Мингрельские, если все условия, в том указе означенные, будут с точностью исполнены.

7. ОХРАНЕНИЕ ТРАНСПОРТОВ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ. Для безопасности торговых транспортов, как по р. Фазу, так и на сухом пути с одной стороны от Баку, а с другой от Родут-кале и Марани до Тифлиса и обратно снабжать оные транспорты надлежащим военным прикрытием.

8. УСТРОЙСТВО КАРАВАН-САРАЕВ. На пути лежащем между Баку и Черным морем, каждый из тогующих может устраивать караван-сарай по Азиатскому обычаю, по усмотрению собственных его выгод. Местное начальство будет содействовать к заведению их назначением и отводом нужного к сему леса и других материалов.

9. УСТРОЙСТВО ПРИСТАНЕЙ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. На первый раз назначается к сему пристань на берегу Черного моря при Редут-кале состоящая, впоследствии же местное начальство сего края не оставит употребить все способы к открытию и устройству других пристаней, безопасных и удобных.

10. ПРОСТРАНСТВО И ПРЕДЕЛЫ СИХ ПРАВИЛ. Впрочем при допущении иностранцев на особое попечение ваше возлагается наблюдать, дабы под предлогом торговли не вкрались туда люди подозрительных правил и худого поведения. Почему все иностранцы в Грузию приезжающие должны иметь паспорта от Российских миссий, кои на сей конец снабжены будут особенными от Министерства Иностранных дел предписаниями...

Регистрация купцов на Кавказе началась уже в первой половине 19 века. По мере развития торговой деятельности, росло и купеческое сословие. Согласно существующим порядкам, оно делилось по видам деятельности и доходам. Особенно быстро росло число средних и мелких торговцев, не так значительно менялся состав купцов 1 гильдии. К концу 19 века число купцов 2-й и 3-й гильдии исчислялось сотнями, тогда, как число купцов 1-й гильдии не превышало и двух-трех десятков. Однако, они составляли важнейшую часть деловой элиты Тифлиса, и, как правило, занимались не только торговой, но и промышленной деятельностью.

Они были крупными владельцами: караван-сараев, доходных и торговых домов, некоторых общественных зданий и другой недвижимости. Самые богатые и успешные купцы, как правило, занимались общественной и благотворительной деятельностью.

Руководство купеческим сословием доверялось „Купеческой камере,.. Староста избирался по результатам голосования представителей всех 3-х гильдий. „Купеческая камера,, занималась решением всех административных проблем, в том числе, регистрацией Торговых домов. Через своих представителей, Купеческая камера решала вопросы, связанные с торговой и производственной деятельностью, обращалась с предложениями в городскую управу, биржевые комитеты и в министерство финансов.

По сведениям „Кавказского календаря,, за 1907 год, Тифлисская купеческая камера располагалась на ул.Армянский базар (Староста: Иван Алексеевич Шадинов. Товарищи: Василий Сергеевич Егиазаров, Аркадий Назарович Милов. Секретарь: Мамикон Артемович Геворков).

Согласно справочнику 1913 года, Купеческая камера сменила адрес и находилась на улице Бебутовской, 50 (Купеческий староста: Аркадий Назарович Милов, товарищи: Василий Сергеевич Егиазаров, Сергей Герасимович Кафиев, секретарь: Степан Артемович Галустов).

В начале XX века был составлен список наиболее известных граждан, занятых на государственной службе, помещиков, предпринимателей, врачей, чиновников и пр. В этом перечне есть и купцы 1 гильдии. Список этот, очевидно, не полный, но дает некоторое представление о том, какими

видами деятельности занимались купцы 1-й гильдии (дата указывает на время последней регистрации вида деятельности):

АВETISOB АЙРАПЕТ КАРАПЕТОВИЧ – Мануфактурные товары – 30 декабря 1878 г.
ГУЛАЗОВ Еремий Егорович – Мануфактурные товары – 19 июня 1899 г.
ЕГИАЗАРОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – торговля железом - 28 октября 1892 г.
КИЛЬБЛОК Людвиг Иванович - Подряд жел.дор. – 1 мая 1898 г.

КРЫМОВ Петр Федорович - Агентурн. и экспедиц. конт. – 12 марта 1909 г.

МЕЛИК-АЗАРЯНЦ Александр Агафонович – Горнопромышл. – 29 ноября 1872 г.

МУЛЯРСКИЙ Григорий Иванович – Агентура – 10 января 1901 г.

ПРОХОРОВ Михаил Петрович - Подряды – 28 мая 1893 г.

РЕМЕНДИК Григорий Лазаревич – С.-П.-Б. – Хлопок – 12 марта 1906 г.

СУЛХАНЫНЦ МИНАС Соломонович – Суш.фрукты оптом – 21 июня 1902 г.

ТЕР-АВETISOB Арташес Меликсетович – Торг.обоями – 27 сентября 1907 г.

ТЕР-АКОПОВ Асатур Павлович – эксп.сырья – 11 июня 1872 г.

ХАРАЕВ Илья Михайлович – Кожевен.тов. – 12 июня 1888 г.

ЧИЛИНГАРОВ Геворк Мосесович – Галант. Тов. – 28 апреля 1898 г.

ШАУМОВ Давид Лазаревич – Бакал.торг. – 18 августа 1899 г.

В справочнике 1913 года список выглядит иначе, и в нем указаны только адреса купцов 1-й гильдии:

БОЗАРДЖИАНЦ ИВАН АВАКОВИЧ

(Ольгинская, 75)
ВАРТАНОВ БЕГЛЯР ФОМИЧ (ул.Вельяминовской и Лермонтова , 2/18)
ВЛАСОВ ТУРИНДЖ АСРИЕВИЧ (ул.Некрасовская , 8)
ГАЙДАМАКИН ИВАН ЕФИМОВИЧ (ул.Ново-Бебутовская, 2)

ГУЛИЕВ СТЕПАН СОЛОМОНОВИЧ (3-й Могнийский туп., 8/9)
ЕГИАЗАРОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ (ул.Вельяминовская, 14)

МАЙЗЕЛЬСОН МАРК АБРАМОВИЧ (ул.Грибоедовская, 13)
МИЛОВ АРКАДИЙ НАЗАРОВИЧ (ул.Паскевича, 4)
ОСИПОВ КАРАПЕТ СЕМЁНОВИЧ (ул.Норашенская, 8)
РОЗЕНФЕЛЬД НАУМ СИДОРОВИЧ (ул.Вознесенская, 3)
ОНИКАДЗЕ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (ул 19 февраля, 70)
ТЕР-АБРАМОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (ул.Батумская, 6)
ЧАВЧАНИДЗЕ ЕРАСТ ИВАНОВИЧ (Михайловский пр. 36)
ЧИЛИНГАРОВ ГАВРИЛ МОИСЕЕВИЧ (ул.Серебрянной и Фоминой, 38/ 11)
ЭНФИАДЖИАНЦ АРТАШЕС АМБАРЦУМОВИЧ – (ул.Вокзальная , 8)

В эти списки не внесены несколько крупных и очень известных купцов 1 гильдии, таких, как А.И.Манташев, М.О.Арамянц, Л. К.Зубалов, И.Ротинов, Г.И. Тамамшев и некоторые другие. Это связано с тем, что они значились в списках купечества Баку, Москвы и Петербурга. Однако, это не мешало им работать и принимать активное участие в деловой и общественной жизни Тифлиса.

Интересно, что в конце 19 века был опубликован список семи самых крупных налогоплательщиков Тифлиса. Ими оказались: Иван Гаврилович ТАМАМШЕВ - 1275 руб., Исай Мартынович ЦОВЬЯНОВ - 1.300 руб., Давид Захарович САРАДЖЕВ - 1647 руб., Александр Иванович МАНТАШЕВ - 2.064 руб., наследники Иосифа АЛЕПОВА - 2.179 руб., князь Иван Константинович БАГРАТИОН-МУХРАНСКИЙ - 2.493, Иван Алексеевич ЧИТАХОВ - 2.931руб.

МОЙ ДОМ - МОЯ РАДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ

Это маленький, уютный, уютно-поющий в зелени сад во дворе 5-этажного дома на проспекте Казбеги, 9 (бывшая ул. Павлова) с ранней весны до поздней осени был похож на «малый концертный зал» филармонии. В красивой беседке, окруженной кустами роз, сирени и жасмина, с наступлением сумерек собирались возвращавшиеся с работы мужчины. Жены, давно привыкшие к таким сборищам, готовились заранее - хлеб, сыр, зелень, картошка, ткемали и вино - что еще нужно для снятия усталости, поднятия настроения и...песни?

А петь собиравшиеся в Тбилиси умели, да еще как! Сильные, красивые голоса солиста оперы Тенгиза Зейнклишвили, бывшего солиста, затем режиссера оперного театра Отара Пхакадзе, Пирана Квалиашвили - внука Маро Тархнишвили (и, кстати, отца Эки Квалиашвили), других соседей, просто имевших слух и голос, вполне годились для проведения маленького "концерта под открытым небом". Ну, а если к ним присоединялись, и весьма часто, друзья - музыканты Джансуг Кахидзе, Мераб Донадзе, Тамаз Лаперашвили, Володя Гогоберидзе, слушать их было райское наслаждение. Играли в нарды, домино, спорили о футболе, разбирали житейские удачи и неудачи, тихо, чтобы не услышали жены, вспоминали курортные романы и, опять-таки пели. Пели без усталости, с огромным удовольствием. Репертуар почти не изменялся: сначала серьезные арии, затем лирические и городские песни, шуточные шайри и

под конец величественный «Мравалжамиер» в разных интерпретациях. «О, vita, vita mia,» - начинал Отар, «Амагамдело gameo, ну гатендеби малео» («Не спеши уходить сегодняшняя ночь») - арией Мурмана старался изо всех сил перекрыть Тенгиз его голос, «Дамисхи, дамалевине» - подключался Пиран, «Гвинос давлев, цкалс ара, шен гакоцеб, схвас ара» (вино выпью, не воду, тебя поцелую, не другую) «угрожал» кому-то Ванечка Бакрадзе. Весь вечер проходил в шутках, анекдотах, смехе; веселье и друже-

любие главенствовали на таких встречах.

"Эй, Тенгиз, интересно, на какие средства накопил вчера столько продуктов? Весь базар скупил!" - "удивлялся" Отар. "Так у меня и теща, и теща, и теща жены в Тбилиси живут, помогают бедному артисту. А чего ты ожидал, когда жену из Ленинграда привез? Что теща рогаткой деньги будет кидать?" - парировал Тенгиз. "Оленька, твой муж ска-

зал, что ты сегодня вкусные котлеты зажарила. А почему нас не угостила?" - кричали снизу жене Чола Чкония. "Так он же все съел!" - давилась со смеху веселая Олико." Марех, дорогая, соизволь спеть с нами, вот Муртаз гитару уже настроил", - просили только что вернувшуюся с репетиции Марех Годзиашвили. "Так у вас же ни слуха, ни голоса нет", - «язвила» в ответ Марех. "Зурико, кажется, у тебя вчера гости были. В холодильнике ничего не осталось?". "Вах, сами же у меня пировали, еще и сегодня вас кормить? Идите к черту", - «ругался» Зураб... За общим столом во дворе забывали о проблемах, неурядицах, неприятностях на работе, отводили душу. Бескорыстная дружба и большая любовь связывала людей разного возраста, характера, положения. Здесь не было различий между "должностными лицами" и обыкновенными инженерами, врачами, педагогами. Никого не интересовало, у кого какая зарплата, кто во что одет, кто приехал на правительственной машине, а кто пришел пешком. Главное, все поровну делил и радость и беды: «У Ани давление поднялось», - бежали с таблетками. «Тетя Люба, мне в магазин надо, посидишь с моим ребенком?», «Гизо, помоги задачку решить», «Лия, пожалуйста, испеки мне торт ко дню рождения»...

На глазах соседей выросли, добились успехов певицы Эка Квалиашвили, Натия и Майя Зейнклишвили, Гогита

Чкония исполнил заветную мечту - стал режиссером, а красивая Ниночка, с детства любившая меня наряды, превратилась в профессионального модельера. Счастье и радость одной семьи разделял весь дом. Все вместе праздновали свадьбу и день рождения, помогали перенести неприятности и безутешно горевали, когда один за другим последовали трагические гибели совсем молодых Гизо Ахвледиани, Левико Чкония, Бесика Арабидзе.

С годами сад опустел. Многие разъехались по новым квартирам, ушли из жизни главные действующие лица - Тенгиз, Отар, Пиран, Ванечка, Рамаз и Гурам Кутателадзе, Чола Чкония, Кар-ло Челидзе, Зураб Ахвледиани, Муртаз Хуцианидзе. Завяли розы, засохли кусты, покосилась беседка. Навсегда исчезло «очарование минувших дней».

Новых жильцов, оградившихся от соседей железными решетками, не интересовали ни сад, ни его прошлое. Только иногда, встретившись во дворе, старожилы Олико, Лия, Этери с грустью вспоминают канувшие в Лету годы. «Эх, да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя»... Что ж, пока есть кому что вспомнить, надежда на лучшее будущее еще остается.

Однажды, прогуливаясь с внуками, решила показать им двор своей юности. Когда они увидели остатки «былой славы», на их лицах появилось такое мрачное выражение, что я с сожалением поняла: слишком трудно будет доказать им, что здесь когда-то проводились концерты, где вход для всех желающих был бесплатным. Как жаль, что в те времена не было видео!

Додо АХВЛЕДИАНИ

რაშია კველი თბილისის სული?

თბილისის ძველ უბანში, ახლანდელ დადიანზე ანუ ძველ ველიამინოვზე ხალხური და გამოყენებითი ხელოვნების სახელმწიფო მუზეუმი. მუზეუმი ყოველდღე მუშაობს, ბილეთიც სულ რაღაც 3 ლარი ღირს, მაგრამ XIX-XX საუკუნეების ქართველი და კავკასიელი ოსტატების ნამუშევრების სანახავედ, როგორც მუზეუმში ამბობენ, ბევრი არავინ მოდის. არადა თავისი ექსპონატებით ეს ერთ-ერთი ყველაზე ცოცხალი მუზეუმი თბილისის მუზეუმებს შორის - ოქროსა და ვერცხლის ნაკეთობები, ფერადი კავკასიური ხალიჩები, მხატვარ-პრემიტივისტთა ფერწერული და გრაფიკული ნამუშევრები იმ დროინდელ თბილისს აცოცხლებს, როცა მეტეხთან მტკვარზე ჯერ კიდევ რკინის ხიდი იყო გადებული. მაშინ არც ფართო სატრანსპორტო მაგისტრალი მიუყვებოდა მტკვარს სანაპიროს და არც მირზა შაფის ქუჩა იყო მონგრეული. თავისუფლების მოედნიდან მთაწმინდა ჩანდა და მთაწმინდიდან ჟანგისფერსახურავიანი ავლაბარი მტკვარზე გადმოკლებული ფერადი და კოპწია აივნებით.

მუზეუმის თაროებზე შემოწყობილ სპილენძის თუნგებსა და ხონებს ოსტატები ბოლშევიკების შიშით ნარიყალას ციხის ძირში ჩუმად რთავდნენ ორნამენტებით და ხელსაწყოების კაქუნში მათ სმენამდე მხოლოდ მტკვარის ხმა აღწევდა. მაშინ, როცა ამ მუზეუმის ექსპონატები იქმნებოდა, მტკვარი ცისფერი იყო, თბილისის ეზოები კი ხმაურიანი.

საცხოვრებელი სახლის გახსნილი და დახურული ეზოები საზოგადოებრივი თავშეყრის ადგილი იყო, ძველ უბანში შემორჩენილი სულ ოთხი მოედანი კი ქალაქის ყველაზე ხალხმრავალი კვანძები იყო. ოკრობოკრო ქალაქის ტერასებს და სართულებს ერთმანეთში ხლართავდა ვიწრო კიბე-ქუჩები და შუკები, რომლებიც ალაგ-ალაგ თბილისს ახლაც შემორჩა იმ სა-მუზეუმე ექსპონატებით, რომლებიც ხალ-

ხური და გამოყენებითი ხელოვნების სახელმწიფო მუზეუმში მოთმობით ელოდება დამთვალიერებელს.

ჩვენი ქალაქიც შეიძლება ყოფილიყო ერთი პატარა მუზეუმი ღია ცის ქვეშ. მაგრამ ამ ქუჩებს და ეზო-შუკებს არასდროს არ სწყალობდნენ. თბილისის ისტორიას ყველაზე კარგად ქალაქის ისტორიულ ნაწილში წამოჭიმული

მონსტრებივით შენობები ყვებიან. ჯერ კომუნისტების დროს ქაჯეთის ციხესავით ამოჭრილი მთავრობის კანცელარია ორსართულიანი ორნამენტებიანი სახლებით გაწყობილ ინგოროყვანზე, ავლაბრის მეტროს წინ რკინის ფარდასავით დაშვებული II სადარბაზოიანი "ხრუშოვკა". მერე შევარდნადის მთავრობის დროინდელი შენობა მონსტრები ქალაქის უძველეს უბნებში, სკვერებში, ქალაქის ძირელებზე.

2004 წლიდან კი მუზეუმში ღია ცის ქვეშ ერთმანეთს მიყოლებით განჩნდა პრეზიდენტის სასახლის კომპლექსი ქალაქის უძველეს უბანში, რომელმაც მთლიანად შეიწირა ამ უბნის დიდი ფრაგმენტი, მთლიანად დაინგრა მირზა-შაფის უძველესი ქუჩა და ჯავახიშვილის ქუჩის ერთ მხარეს არსებული სახლები. ახალი ენერჯით და ტემპით განაღდა მეტეხის კლდეზე გადმოკიდებული სახლების ადგილას ახალი შენობების მშენებლობა. სულ ცოტა ხან-

ში გამკვირვალე საფეხმავლო ხიდის და რიყის საერთო პროექტიც დასრულდება და კიდევ უფრო შეუცვლის იერს, ისედაც სახედაკარგულ ძველ უბანს.

სადღაც აქ, ამ ძველ ქუჩებსა და მოედნებზე, სადაც ახლა ძველი ინგრევა და ახალი შენდება, სახლებსა და სახლებს შორის, ძველს სადარბაზოებ-

ზე მტკინეულ პრობლემებთან და გამოწვევებთან ერთად ქალაქის ხელმძღვანელობის მიერ თბილისის განვითარების კონცეფციასაც ითქვა ერთი-ორი სიტყვა და საერთაშორისო გამოცდილების გაზიარებაზეც. ეს პუბლიკაცია ნაწილია თბილისის ურბანული მემკვიდრეობის გადასარჩენად გამართული უფრო მასშტაბური კამპანიისა, რომელსაც ბრიტანეთის საბჭოს, გოეთეს ინსტიტუტისა და ნორვეგიის კულტურული მემკვიდრეობის დირექტორატის ძალისხმევით ხელოვნების საერთაშორისო ცენტრ „ისტორიალსა“ და „ICOMOS საქართველოსთან“ თანამშრომლობით 2010 წელს დაიწყო. პროექტი პროფესიონალური წრეების გარდა მხარდაჭერებს ჩვეულებრივ თბილისელებშიც ეძებს. ამ მიზნით Facebook-ზე გახსნილ გვერდზე ერთი ონლაინ ფოტო-კონკურსი უკვე ჩატარდა და გამარჯვებული ფოტო გიორგი მჭედლიძის „სინათლე“ პროექტის საეზიბო ბარათად იქცა.

„როგორც თბილისის მოქალაქე, მე მადლობას ვუხდით პუბლიკაციის ყველა ავტორს. როგორც ნორვეგიის კონსული, კი პირობას ვდებ, რომ ყველაფერს ვაკეთებ საერთო მიზნის მისაღწევად და შედეგი აუცილებლად დადგება, თუ თბილისზე კიდევ უფრო ბევრი ფანატურად შეყვარებული ადამიანი ჩაერთვება ქალაქზე ზრუნვის საქმეში.“ - ამ სიტყვებით ნორვეგიის კონსულმა საქართველოში ლიანა სიგუამ ყველა თბილისელს პროექტთან ჩართვისკენ მოუწოდა. ალბათ ქალაქის სული ყველაზე ცხადად სწორედ მის მოქალაქეებში უნდა იყოს ჩაბუდებული, იმ ადამიანებში თუ დამთვალიერებლებში, რომლებიც ღია ცის ქვეშ თუ გადახურულში ნებისმიერი ექსპონატის არსებობას სძენენ აზრს. ძველი თბილისი კი მისი ველიამინოვზე ყველასგან დავიწყებული ხალხური და გამოყენებითი ხელოვნების მუზეუმით, მორჩილად ელოდება დამთვარიელებებს და მის ხელახლა აღმოჩენას.

ნინო რობაქიძე
ფოტოს ავტორი:
ნიკოლოზ მჭედლიძე

თბილისის ქუჩებში ვირები დასეირნობენ. როგორც თბილისელები ამბობენ, დროდადრო ხან ვაჟა-ფშაველას გამზირზე, ხანაც ვაკე-საბურთლოს გზაზე დადიან. უწყინარი არსებები არავის არაფერს უშავებენ და ხშირად სტუმრობენ სუპერმარკეტებსა და ხილბოსტნეულის მარკეტებს(?).

იმ დღეს მეც ასეთი სანახაობის მოწმე გავხდი. ვაჟა-ფშაველას VI კვარტალის ერთი სუპერმარკეტის

კიბესთან ვირი იდგა და ისეთი მომლოდინე თვალებით მისწერებოდა კარს, ერთი პირობა ვიფიქრე, პატრონი მაღაზიაშია შესული და ელოდება-მეთქი. ის იყო მოფერება გადავწყვიტე, რომ გამვლელმა შემჩნერა, არ მიუახლოვდებოდა იცი, რა სჭირსო.

- რას ბრძანებთ, ბატონო, სახედარი ყველაზე უწყინარი ცხოველია. ნეტავ ვინ გაიმეტა და ქუჩაში გამოაგდო.

- ეგ რა არის, გუშინ ოთხნი იყვნენ. ოთხივე ამ მაღაზიის წინ იდგა, დღეს კი რატომღაც მხოლოდ ერთია.

გადავწყვიტე, გამერკვია, საიდან და როგორ განჩნდნენ ვირები დედაქალაქის ცენტრალურ უბნებში და რატომ დაეხეტებიან უპატრონოდ? ხალხი გაოცებულია, "მაგდანები" ახლაც რომ "ლურჯებით" დადიოდნენ, ვიფიქრებდით, რომ სახედრები მემაწვენებს დაეკარგათ. პატრონები რომ არ ჩანან, გული გვტკივა, ვშიშობთ, უპატრონო ცხოველები მაწანწალა ძაღლებს კერძი არ გახდნენო. საოცარია, როგორც ცნობილია, სახლიდან წასული ვირი ყოველთვის აგნებს უკან დასაბრუნებელ გზას და ამ ვირებს რა დაეპართათ.

"კვირის პალიტრა" ვირების ასავალ-დასავლის გასარკვევად ზოოპარკის დირექტორ ზურაბ გურიელიძეს დაუკავშირდა. აღმოჩნდა, რომ ზოოპარკისთვის ჩვენამდე საპატრულო პოლიციას მიუპართავს თხოვნით, როგორმე ვირების დაჭერაში დაგვეხმარეთ.

ზურაბ გურიელიძე: "ცოტა ხნის წინ საპატრულო პოლიციის თანამშრომლებმა დაგვირეკეს, ვაჟა-ფშაველაზე ორი ვირი ვნახეთ და იქნებ მიხედოთო. გავიდნენ ჩვენი თანამშრომლები მოსაძებნად, მაგრამ ვეღარ ნახეს.

ვერ ვხვდები, საიდან უნდა მოსულიყვნენ. ერთ დღესაც ჩვენთანაც შემოვიდნენ, ალბათ, ერთხელ სამი ვირი შემოვიდა ზოოპარკში. ვუპოვეთ გზარეულებს პატრონი და სახლში დავაბრუნეთ. ზოოპარკში ორი ვირი გვეყავს. ერთი ვიფიქრეთ, მაკედ იყო და ორი გახდა. თავს მშვენივრად გრძობენ.

მოქალაქეების საყურადღებოდ: ვირის ნუ გეშინიათ, სრულიად უწყინარი ცხოველია. პატრონი თუ ვერ დაინახეთ სადმე და შენიშნეთ, რომ ვირი უპატრონოდ დაეხეტება, დაგვირეკეთ ან საპატრულო პოლიციას მიმართეთ. ჩვენ რომ წამოვიყვანოთ ვირები, შეიძლება პატრონი მოგვადგვს და ქურდობა დაგვწამოს".

ილიას მებობარი ოჯახი

უხდებოდა ილიას მასპინძლობა, მითუმეტეს, რომ თბილისში ერთმანეთის მეზობლად ცხოვრობდნენ. ასე იგონებს: “როცა ჩვენსას ილია მოვიდოდა, ისე აღტაცებული ვეგუბებოდი ამ დიდ პიროვნებას, რომ ხელები ამიცახცახდებოდა, თვალები ამიჭრელდებოდა და ხელის ჩამორთმევის დროს ან ზედ მივეხლებოდი, ან ფეხი წამბორმიკდებოდა. ჩაის როცა მივართმევდი, უთუოდ წაგვკრავდი ხელს რამეს და ჩაი დამეღვრებოდა. ამ დროს ილია თავისი ჭკვიანური თვალებით, ღიმილით შემომხედავდა. მე ვწითლდებოდი, ჩუმად ხორცს ვინქმეტდი - რა ღმერთი მიწერება, რა წყალში ჩავვარდეთ-მეთქი!”

ცოლ-ქმარი საგურამოსაც სტუმრობდა ხოლმე. ეს, მეტწილად, ილიას დღესასწაულზე ხდებოდა. როგორც ცნობილია, ილია ამ დროს საგურამოში დიდ სუფრას შლიდა, სადაც გვერდიგვერდ სხამდა ჩამოსულ სტუმრებს და იქაურ გლეხკაცობას. ასე განსაჯეთ, მერიქიფის მოვალეობასაც ასრულებდა და საღვინითა და ყანწით თავზე ადგა სუფრაზე მსხდომთ. განსაკუთრებით გლეხკაცების სიმღერის მოსმენა უყვარდა. “ბერიკაცი ვარ, ნუ მომკლავ” მისი საყვარელი სიმღერა ყოფილა. ცდილობდა, აჰყოლოდა კიდევ მომღერლებს, მაგრამ რაკი სიმღერა არ ესერებოდა, ხელს უშლიდა. ილია, გაჩერდით, - შებედავდნენ შეწუხებული გლეხები. არა, ძალიან მიყვარს, უნდა ვიმღერო, - პასუხობდა. მაშინ ჩვენ გაჩერდებითო და... ასე აჩუმდებდნენ.

თების გამო ილია ნიკოს დაცინვით “გაუმადარ პლებსს” ეძახდა.

ელისაბედ ჩერქეზიშვილი ილიასგან მიღებულ სადილზე მიპატიუების ბარათსაც იხსენებს, რომელიც ასე იწყება: “ჩემო ნიკო, დღეს სადილად მოდი ჩემთან - ისეთი ძუძუს გოჭი გაჭამო, რომ სიხარულისგან შეხტები და შემოტრიანდები, თუ შენმა სიღარბაისლემ არ დაგიშალა.”

ვეროპიდან კი, წინასწარ შეპირებული, განსაკუთრებული საჩუქარი ჩამოუტანა - სამელნე, რომელსაც ღორის თავის ფორმა ჰქონდა, თავისივე გოჭის ფორმის საფერფლეებით და შესაბამისი ეპიგრამაც უძღვნა:

“ამ შენს სურათს როცა ვუცქერ, მაგონდება ყასაბ-ღაღო, რით ვერ გასძეღ ღორის ჭამით, ღორმუცელავ, ყურუმსაღო?”

ელისაბედ ჩერქეზიშვილი ერთ საინტერესო შემთხვევასაც იხსენებს, როდესაც მათთან ოჯახში გამართულ წვეულებაზე ერთმა აკადემიადამთავრებულმა ახალგაზრდამ, რომლის წერილიც “ივერიაში” არ დაბეჭდა, ილიას (გაზეთის რედაქტორს) შეურაცხყოფა მიაყენა - რა უფლება გქონდათ, რომ ჩემი წერილი არ გაუშვით, ეს ნამდვილი ვირობაა თქვენი მხრიდან, იქვე მჯდომ ვანო ცაგარელს ხელი წაუწვლია და მისი აივნინიდან გადაგდება დაუპირებია. ილიამ არ დაანება, მაგიდიდან თითქმის დაცლილი ბოთლი აიღო და თავხედს ასე მიმართა: “აბა, რა გითხრა. ამ ბოთლში ჯერ კიდევ დგას ცოტა ღვინო, შენ თავში კი ტვინის ნატამალიც არ არისო”.

ალხანიშნავია, რომ ნიკო ხიზანაშვილი გაურკვეველ ვითარებაში მოკლეს თბილისში 1906 წელს, წიწამურში მომხდარ ტრაგედიამდე რამდენიმე თვით ადრე.

ლადო გოგუაძე

მე-20 საუკუნის ორმოციან წლებში ქართული თეატრის მოღვაწეთა შორის ყველასგან გამოირჩეოდა პატარა ტანის, ტრადიციულ ქართულ კაბასა და ჩიხტიკოპში გამოწყობილი მოხუცი ქალბატონი. ეს გახლდათ ელისაბედ ჩერქეზიშვილი, ქართველ მსახიობთა იმ ლეგენდარული თაობის წარმომადგენელი, ეროვნული თეატრის სათავეებთან რომ იდგა. მაშინდელი თეატრი, ქართულ მწერლობასთან ერთად, თავდაუზოგავად ცდილობდა იმხანად უკიდურესად შევიწროებული ქართული სიტყვის გადარჩენასა და გაძლიერებას. ეს ის დრო იყო, როდესაც თეატრში თავისივე პიესის რეჟისორად შეიძლება ეხილათ აკაკი წერეთელი (რომელიც რეპეტიციის დროს საუბარში უნებურად წამოცდუნულ თითო რუსულ სიტყვაზე თითო აბაზით აჯარიმებდა დასის წევრებს), პრემიერაზე კი - დარბაზში დაბრძანებული ილია ჭავჭავაძე. შესაბამისად, მსახიობმა, რომელმაც ხანგრძლივი ცხოვრების გზა განვლო, მრავალი საინტერესო და სახალისო მოგონება დაგვიტოვა.

დავიწყეთ იმით, რომ ელისაბედ ჩერქეზიშვილი იყო ნიკო ხიზანაშვილის მეუღლე. ნიკო ხიზანაშვილს, გარდა იმისა, რომ მე-19 საუკუნის ცნობილი მოღვაწე და მკვლევარი გახლდათ, თანამედროვენი იხსენიებენ, როგორც ილია ჭავჭავაძის უახლოეს მეგობარს. ქალბატონ ლიზასაც, რომელიც იმხანად სრულიად ახალგაზრდა იყო (მე-19 საუკუნის 80-იანი წლები), ხშირად

ბი. არა, ძალიან მიყვარს, უნდა ვიმღერო, - პასუხობდა. მაშინ ჩვენ გაჩერდებითო და... ასე აჩუმდებდნენ.

ერთ-ერთი სტუმრობის შემდეგ ელისაბედს ილიასთვის გამოსამშვიდობებელი სიტყვით მიუმართავს: ბატონო ილია, გისურვებთ, ორმოცი წელი ილიაობა კიდევ მომელოცოს თქვენთვისო! ცოტა მეტი თქვი, რა გეხარჯება, შე დალოცვილო - უპასუხია “გულნაკლულ” პოეტს...

ილიასა და ნიკო ხიზანაშვილის მეგობრობას ერთი საერთო გატაცება კიდევ უფრო “კრავდა” - ეს იყო ქართული, მამაპაპური ჭამა-სმის სიყვარული. თუმცა, ისიც უნდა ითქვას, რომ ამ მხრივ ხიზანაშვილი აშკარად პირველობდა. ერთხელ, ლიზიკოს სტუმრად ყოფნა ძალზე გაუგრძელდა და ქმრის დასაშოშმინებლად სუფრიდან შინ გოჭის თავი გაიყოლა. სახლში დაბრუნებული განაწყენებულ და კედლისკენ გადაბრუნებულ მეუღლეს მოეხვია და აღერსით უთხრა: რა ვქნა, ამხანაგებმა არ გამომიშვეს და სამაგიეროდ ეს ძღვენი გამიმატანეს შენთანო. ხასიათზე მოსულმა ნიკომ საჩქაროდ მომატანინა დანა-ჩანგალი და ძღვენს შეექცა გემრიელად. ასე ვიხსენი გოჭის თავით

საკუთარი თავით - იგონებს მსახიობი. ასე

კვირის პალიტრა
DAVID'S SHIELD Inc. Tel: (718) 275-5795
 Издатель и главный редактор: Семён Крихели www.davidsshield.net 62-60 99 St. #1012 Rego Park NY 11374, New York USA
 E-mail: semkr@hotmail.com